

Алексей ОСТУДИН

Родился в 1962 году в Казани. Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького.

Автор десяти книг стихотворений, многочисленных публикаций в литературных журналах и альманахах. Выступал организатором трёх Форумов современной поэзии (2004, 2005, 2008) и поэтических вечеров в Казани, в которых приняли участие ведущие российские поэты и видные литераторы из ближнего и дальнего зарубежья. Соучредитель двух ежегодных казанских поэтических мероприятий, фестиваля имени Лобачевского и Хлебниковского фестиваля (2011–2017).

Лауреат республиканской премии им. Г. Державина (2018), Всероссийской премии им П. Бажова (2019). Живет в Казани.

УМЫВАЯСЬ ЗВЁЗДАМИ

Генеральный прогон

Юрию Ларионову

На складе всё давно до нас украдено,
шум действия налаженного стих,
кривые ножки буша, рожки байдена
оставшиеся в памяти от них,

намерений дорогу в новый рай мости,
предел чистейшей прелести смещён,
доведены историей до крайности
Китай уже, а Индия ещё,

хоть ураганы шарик наш обшарили,
не ослабел к искусству интерес,
в партер спустились оперные арии
с галёрки со смычком наперевес,

в их обществе не место от замороженным,
одни в военном хоре перемен
рассолом запевают, как положено,
другие держат шире свой Кармен,

дойдёт ли по горячке, что профукали,
здесь каждый винтик гайкой увлечён,

и, с кондачка, контральто ли, профундо ли –
скрипичным не дотянешься ключом,

пусть подождёт везенье лотерейное,
пока попавшим в этот переплёт
машина не упущенного времени
ворованную музыку вернёт.

Браконьер

Из хоровода вышла вон
моторка с воем кофемолки,
грызут округу волки волн,
сверкают их зубов осколки,

окурок к небесам присох,
и спины тощие сутуля
торчат коряги «хенде хох»,
как перевёрнутые стулья,

в потёках мраморной смолы
сосна подрагивает густо,
когда плавник бензопилы,
под ствол подныривает с хрустом,

тебе же, якорю под стать,
на банке катера бессменной,
срываться в воду, аки тать
от правосудия безмена,

и, на причале каждый раз
встречаясь с конкурентом грубым,
следить за выраженьем глаз,
на всякий случай, стиснув зубы.

Мимолётное видение

Вдруг такое найдётся в заначке –
словно вечер, морозный до слёз,
чистил зубы и окна залячкал
разноцветными брызгами звёзд,

занесённый Вселенной в сироты,
понимаю, мы с нею одне,
только месяц-подлец подсуропил
встретить образ любимой в окне –

будто лампа такого накала,
что и в космосе станет светло,
показалось – вослед помахала,
а она протирала стекло.

Юбилей

На солнце уши, на просвет, пушистый хвост трубой,
ни планов наперёд, ни смет – причаливай к любой,
сегодня каждая почти ступенька, как педаль,
с табло упрыгали очки, и задохнулась даль,

и, сослепу, неповторим твой сказочный мирок –
Нуф-Нуф, Ниф-Ниф, Наф-нафталин в шкафу, где серый волк,
всё больше с дамами «динам» и визга поросят
на улице Остудина из дома 60.

Теоретик

Брошу спорт, кулинарный туризм
и каноэ вконец доканаю,
исторический свой оптимизм
с оговоркой одной принимаю,

чтоб в случайном порядке синкоп,
сердце билось за Родину сильно,
но диван не влезает в окоп
потому что из оперы мыльной,

беспокоен, как в бурю камыш,
намагничен, как рудная залежь,
знай всегда, что кому говоришь,
не всегда говори то, что знаешь,

берегись, если жизнь дорога –
кто-то, соображающий быстро,
если примет кого за врага –
не подпустит на пушечный выстрел,

вспомнишь опыт дворовых задир, –
станешь каждой молекулой важен,
потому-то воюем за мир,
что, в итоге, окажется нашим.

Баден-Баден

Ах, милая моя, ах, ахтунг,
давай махнём купаться в пятницу,
где с бухты плюх ты и барахты,
и сумерки от света пятятся,

пусть эхо, как Эдита Пьеха
под душем, напевает походя,
нам «шашечки» или поехать
на шашлычок на яхте похоти,

соображает парус туго,
задетый ветром по касательной,
но мирно пашет месяц плуга,
и в облаках от пяток вмятины,

хлебнув «цимлянского» из фляги,
когда закатимся под Сочи мы
айда, на реактивной тяге,
изображать часы песочные,

скакать по волнам пузом к пузу,
пока погода не наладится,
пусть разминают нас медузы
и обнимают каракатицы,

хоть нагишом на воле тесно,
не парюсь от угрозы слива я,
впадая в море, словно в детство,
которое всегда счастливое.

Эпигон

Ветер дёргает кувшинки и мотает на весло,
набухают, как ширинки, почки ивы навесной,
ходят тучи, сбившись в стадо, а под ними, чем богат –
пузырьками винограда нерестится Арарат,

древний камень, в глину врытый над речушкой, норовит
наловить хрустальной рыбы на армянский алфавит,
песенка твоя не спета, поспеши прикрыть глаза –
слишком тонко листья света нарезает стрекоза,

ёрзаешь закладкой в книжке суеверий и примет,
где побит другим мальчишкой твой рекорд – шестнадцать лет,
что, моё забрав в кавычки и перечитав сперва,
записал сгоревшей спичкой эти самые слова.

Умываясь звёздами

Стога, махнув росы лишка и перекрикиваясь пьяно,
по склону прыгают в мешках перебродившего бурьяна,
в ложине дышится легко – из глубины её не всякий
рискнёт сбежать, как молоко, туда, где не зимуют раки,

пока рассвета остря будили в облаках мессию,
луну Аве Мари и я за танцплощадкой замесили,
кого бы кто ни обманул, опасно по ночам шататься,
ей девятнадцать – караул, а мне, со вторника, – шестнадцать,

цепляет сплетня бечевою, с насмешкой плятятся гвоздики –
рассвет, и всё бы ничего в стране, когда б не запад дикий,
жизнь – всё равно добро жерак, ополовинена эпоха,
зато, в советском сене, как нам отвратительно не плохо.